

О.В. Паченков

РОЛЬ «ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ» В ИССЛЕДОВАНИЯХ МИГРАЦИИ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО УЧЕНОГО

В статье предпринята попытка критического анализа понятий «этничность» и «идентичность». Эмпирической основой текста стали проведенные О. Паченковым и его коллегами исследования трудовых мигрантов из Азербайджана и Таджикистана в Петербурге (1997–2002). Используя примеры из проведенных исследований, автор демонстрирует ограничения, связанные с использованием «этничности» в качестве аналитической категории при изучении трудовой миграции. В заключении автор смещает фокус с критики понятия «этничность» на концепцию «идентичности» как таковую. Используя методологический и понятийный аппарат, предложенный другими критиками идентичности — Р. Брубейкером и Ф. Купером, автор на примере собственных исследований показывает возможности применения других аналитических категорий, позволяющих более точно описать взаимодействия и социальные сети, в которые включены мигранты. Автор рассматривает данный текст, суммирующий его работу в этой области, как свой вклад в дискуссию об ответственности социального ученого перед обществом.

Ключевые слова: трудовая миграция, этническая экономика, этничность, идентичность.

Key words: labor migration, ethnic economy, ethnicity, identity.

Введение

В тексте будет затронут вопрос о роли, которая отводится феномену этничности в исследованиях миграции, а также будет поднят вопрос об ответственности социального ученого в этой связи. Социальные ученые, по нашему мнению, злоупотребляют этничностью в качестве объяснительной модели, пытаясь с ее помощью объяснить социальные явления и действия, обусловленные иными социальными, культурными и экономическими процессами. Ученые, таким образом, участвуют в процессе, который мы вслед за рядом авторов называем «навязыванием этничности». Мы полагаем, что

значительная часть исследований миграции в России (в особенности в тех ситуациях, когда мигрантов изначально идентифицируют как представителей «не русской национальности») — пример такого злоупотребления. На наш взгляд, данная проблема заслуживает внимания, поскольку не только касается методологии (и терминологии) социальных исследований, но также имеет политические последствия.

Мы полагаем, что отказ от категорий этничности при объяснении ситуаций, возникающих в отношениях между «мы» и «они» группами (в частности, в контексте миграции) можно рассматривать как первый шаг, который следовало бы предпринять социальным ученым. В качестве второго шага в том же направлении мы видим критическое переосмысление понятия *идентичности* и его роли в объяснении социальной жизни. Здесь мы придерживаемся точки зрения, предложенной, в частности, Роджерсом Брубейкером и Фредериком Купером (Брубейкер, Купер 2002).

Эмпирическую основу данного текста составляют результаты социологического исследования, проведенного мною и моими коллегами из Центра независимых социологических исследований (ЦНСИ) в 1997—1999 гг.* и продолженного мною в 2000—2002 гг. в рамках ряда индивидуальных исследовательских проектов. Результаты этих исследований легли в основу нескольких текстов (Бредникова, Паченков 2000, 2001, 2002а, б; Pachenkov 2004а, б)**. Задача данной статьи, помимо прочего, состоит в том, чтобы возобновить в российской академической среде затихшую в последние годы, но чрезвычайно важную, на мой взгляд, дискуссию об ответственности социального ученого (Воронков, Освальд 1998; Драгунский 1993; Малахов 2001; Тишков 1998).

Мы постараемся сначала более развернуто сформулировать проблему, указав на (а) специфику этнических категорий, их потенциал и ограничения в контексте изучения миграционных процессов и (б) на проблему использования этих категорий в политике. Затем после краткого описания собственного опыта исследования мигрантов с Кавказа в Санкт-Петербурге будет предложен критический обзор распространенных теорий «этнической экономики». Далее, отталкиваясь от собранных нами эмпирических данных, мы предложим альтернативный подход к объяснению экономического и социального поведения мигрантов на основе веберовской методологии и соответствующего понимания социального действия. Затем мы обратимся к проблеме вла-

* В данный текст вошли, в частности, фрагменты из финального текста, подготовленного по результатам данного проекта мною в соавторстве с моей коллегой Ольгой Бредниковой (см. полный текст на английском языке: Vrednikova, Pachenkov 2002). В этой связи я хотел бы выразить особую признательность Ольге Бредниковой, моей коллеге и другу, которая, не будучи соавтором данного текста, опосредованно внесла большой вклад в работу над ним. Также хотел бы поблагодарить других сотрудников ЦНСИ, принимавших участие в указанном проекте: Виктора Воронкова, Оксану Карпенко, Елену Чикадзе, Сергея Дамберга, также — увы, посмертно — Николая Гиренко.

** См. также тексты В. Воронкова, О. Карпенко, Е. Чикадзе, С. Дамберга по проблемам миграции (многие из них представлены на сайте ЦНСИ: www.cisr.ru).

сти, дискурса и феномену «навязывания этничности», которые помогут объяснить распространенность этнических категорий в исследованиях мигрантов (в том числе в качестве эмических категорий). Здесь же будет поставлен вопрос о способности социального ученого деконструировать доминирующие политические дискурсы, вместо того чтобы воспроизводить их в научном исследовании. Далее вслед за критикой примордиалистского и эссенциалистского подходов в понимании этничности мы перейдем к критическому анализу категории идентичности как таковой. Читателю будет предложен альтернативный подход к пониманию социальных феноменов, традиционно описываемых при помощи категории «идентичность» — подход, разработанный классиками исследований этничности и национализма Роджерсом Брубейкером и Фредериком Купером. В заключении на примере собственного исследования трудовых мигрантов мы покажем, как их категориальный аппарат может быть применен при изучении такого явления, как миграция, и в чем преимущества этого альтернативного подхода.

Дихотомия «мы / они» в контексте изучения идентичности

Было бы наивно полагать, что человек как «существо социальное» способен избегать приписывания себя и других к категориям «свои» / «чужие». Такая дихотомия считается важной составляющей личности* и источником множества социальных процессов. Тем не менее ничуть не более обоснованным выглядит предположение, что на практике все дихотомии подобного рода непременно должны приводить к конфликтам, заканчивающимся кровопролитием**. Однако в последние десятилетия мы все чаще становимся свидетелями такой развязки, так что конфликты и истребление социальными группами друг друга начинают казаться почти естественным практическим следствием мышления при помощи бинарных оппозиций. Между тем разделение «мы» / «они» может пролегать в самых разных измерениях, и история знает не так много случаев убийств пекарей — сантех-

* «... (нам) неизвестны безымянные народы, а также языки и культуры, в которых в какой-то мере не отражалась бы разница между своими и чужими, “нами” и “ими”» (Calhoun C. *Social Theory and the Politics of Identity*. P. 9. Цит. по: Брубейкер, Купер 2002: 83). В отечественной литературе, см., например: «С самого начала важно подчеркнуть, что свое и чужое составляли единое целое — мир, в котором существовал человек. <...> Универсальность представлений о бинарной структуре мира и их поразительная устойчивость, видимо, далеко не случайны и имеют глубинное психологическое основание» (Байбурин 1990: 3). Среди классических работ социальных психологов см., например: Фрейд 1998, Фромм 1998, Эриксон 1996, 2000.

** Тот же А. Байбурин, которого мы цитируем выше, полагает, что дихотомия «свои — чужие» напротив содержит важный потенциал для разрешения возникающих на бытовом уровне межгрупповых конфликтов: «Нужно сказать, что на определенном этапе исторического развития сознания такая модель переживания экстремальных ситуаций была не только вполне целесообразной, но и вполне рациональной. К тому же ее глубокая укорененность и поразительная живучесть свидетельствуют о соответствии глубинным психофизиологическим механизмам, в основе которых лежит принцип обмена, взаимности и эквивалентности» (Байбурин 1990: 3—4). Ср. также с теорией о роли границ между этническими группами у Ф. Барта (Барт 2006).

никами, жителей пятиэтажек — жителями десятиэтажек, и даже мужчин — женщинами или наоборот*. Другие идентичности — этнические, национальные, религиозные и даже классовые — напротив, довольно часто становятся источником кровавых конфликтов. Нам представляется, что к этим категориям, которые имеют столь опасный для человеческой жизни потенциал, следует относиться с особой осторожностью.

По этой причине нам представляется необходимым произвести *критический анализ концепции этничности***, а также той роли, которую она играет в социальных науках, в повседневной и политической жизни современных обществ. Собственный исследовательский опыт и знакомство с работами других исследователей заставляют нас утверждать, что обращение к этническим категориям зачастую не оправдано, поскольку (а) они нередко подменяют собой иные социальные категории, в большей степени определяющие поведение конкретных людей в конкретных ситуациях, и (б) они не способствуют решению возникшего или потенциального конфликта между участниками взаимодействия, но приводят к его эскалации. Здесь мы бы хотели обсудить следующий вопрос: насколько обоснованно обращение к понятию «этничность» для объяснения и описания *миграции* как одного из типов социальных отношений, в которых зримо или незримо присутствует оппозиция «мы» / «они».

Мы полагаем, что социальные ученые склонны преувеличивать роль так называемой «идентичности» при объяснении социальных действий, игнорируя другие более важные составляющие поведения. В практике социальных наук нередко происходит подмена понятий, и изучение социальной жизни сводится к изучению идентичностей либо поведение не изучается вовсе, но напрямую выводится из идентичности. Мы полагаем, что научные и околонаучные категории, берущие начало от греческого корня «этно», особенно часто становятся объектом такого неоправданного редукционизма.

Частичное решение этой проблемы мы видим в том числе в способности социальных ученых отдавать себе отчет в том, что производимые ими концепции, теории, объяснительные схемы далеко не всегда продолжают оставаться в рамках академического дискурса. Часто они выходят за пределы научной среды, проникают в обывденный язык и сознание, влияют на формирование способов интерпретации окружающей действительности как у «обыкновенных людей», так и у политиков. Социальные ученые должны понимать, что громкое слово «эксперт», коим их часто именуют, помимо престижа и статуса предполагает *ответственность*. Реализуя собственное исследование трудовых мигрантов с Кавказа в Петербурге, мы старались помнить об этой ответственности и предварять любые «экспертные» оценки сбором и тщательным анализом эмпирических данных.

* Имеются в виду не случаи убийства на бытовой почве, коих статистика, вероятно, насчитывает немало, но случаи, когда именно профессиональная или гендерная идентичность и ничто другое стало основанием для противопоставления в рамках дихотомии «мы / они» и источником конфликта с летальным исходом.

** Термин «этничность» используется здесь как синоним «этнической идентичности»; о такой традиции использования данного понятия см., например: (Trimble, Dickson 2006).

«"Кавказцы" в крупном городе»: история исследовательского проекта

Идея данного текста родилась в ходе реализации исследования экономических мигрантов, торгующих на рынках Петербурга. Исследование начиналось в рамках проекта ЦНСИ «*"Кавказцы" в крупном российском городе: интеграция на фоне ксенофобии*»*. Полевой этап исследования в основном закончился в конце 1998 г., но затем еще в течение двух лет его результаты тщательно анализировались и неоднократно обсуждались с коллегами на семинарах и конференциях. В период с 2000 по 2003 гг. автором был реализован еще ряд индивидуальных исследовательских проектов, сфокусированных на определенных темах, которые не были затронуты ранее в рамках группового проекта.

Первоначально предполагалось, что предметом исследования в упомянутом коллективном проекте станут экономические стратегии мигрантов-«кавказцев»**, в частности мигрантов из Азербайджана, занятых в сфере розничной торговли на городских рынках. Впоследствии мы изменили перспективу нашего исследования и помимо экономических стратегий стали изучать процессы интеграции, жизнеустройства мигрантов, в том числе значительное внимание уделяли изучению организации их повседневной жизни. Это позволило нам расширить горизонт исследования и выйти за рамки определенных теорий, изначально взятых нами на вооружение. Таким образом, в поле нашего внимания попали не только «кавказцы», но и экономические мигранты из Средней Азии, Украины и Молдовы, продавцы из числа «местных» (Петербурга и Ленобласти), персонал рынков и т.д. В результате такого «расширения исследовательского фокуса» этничность стала для нас не «отправной точкой» в исследовании, но проблемой и основанием для постановки вопросов.

Основными методами исследования стали включенное наблюдение и беседы с информантами (интервью)***. С октября 1997 г. до середины лета 1998 г. мы осуществляли участвующее наблюдение в среде мигрантов, принимали активное участие в работе и повседневной жизни наших информантов. Все наблюдения мы обсуждали и фиксировали в полевых дневни-

* См.: http://www.cisr.ru/complete_etnos.html

** Кавычки мы методично использовали при написании этого слова в большинстве наших текстов. Они означают, что мы заимствуем понятия, традиционно используемые для обозначения этнических групп или национальностей, из ненаучного дискурса, т.е. «цитируем» их. Это делается с целью показать, что мы можем быть не согласны с теми значениями и коннотациями, которые связываются с этническими категориями в обычном языке, откуда слово заимствовано, но используем их исключительно для того, чтобы читателю было понятно, о чем и о ком идет речь.

*** Мы полагаем, что подобное сочетание методов позволяет исследователю лучше понять реальность информанта и адекватно интерпретировать его поведение. Вторая причина нашего методического выбора связана с тем, что статус пребывания большинства наших информантов на территории России и их экономическая деятельность зачастую нелегальны. Деликатность их положения и обсуждаемых тем требовала, в первую очередь, доверия информантов к исследователю. Качественные методы исследования позволяют исследователю завоевать большее доверие со стороны информанта, наблюдать его повседневную жизнь и многократно обсуждать увиденное.

ках. Интервью с информантами проходили, скорее, в форме свободных (неструктурированных, без использования диктофона, в неформальной дружеской обстановке) бесед*. Такие беседы проводились нами десятки раз в самых разных ситуациях и условиях: в гостях у информантов, у нас дома, на рабочем месте информантов, в кафе и т.д. Мы также интервьюировали «окружение» мигрантов: продавцов и администрацию рынков; риэлтеров, занимающихся съемом жилья для мигрантов; преподавателей и администрацию школ, где учатся дети мигрантов, соседей наших информантов и т.д. Кроме того, проводились проблемно-ориентированные интервью с жителями города по поводу их отношения к «кавказцам».

В качестве исследовательского подхода мы выбрали исследование отдельных случаев (case study) (Козина 1997; Stake 1994; Yin 1992). В нашем исследовании «случаями» стали мигрант из Таджикистана** и семья из четырех человек, приехавшая в Петербург из Azerbaijan.

Перед началом исследования мы полагали, что сообщество мигрантов из Azerbaijan в Петербурге существует в виде сплоченной этнической общины, члены которой занимают определенную экономическую нишу, как правило, в сфере торговли; вновь прибывающий мигрант полагается на ресурсы общины и с ее помощью интегрируется в принимающее общество. Такое представление базировалось отчасти на обыденном знании и представлениях, которые мы разделяли с другими жителями Петербурга конца 1990-х годов. Другим источником этих представлений служили западные теории так называемого «этнического предпринимательства».

* Мы фактически отказались от записи интервью на диктофон по двум причинам: из-за языковых проблем (часто наши информанты с трудом формулировали мысли на русском языке) и поскольку ситуации «формальных» интервью с записью на диктофон так сильно влияли на наших информантов, что подобный метод оказывался неэффективным. Например, наш информант, с которым уже были налажены доверительные отношения, в ситуации интервью с диктофоном рассказывал «официальную» биографию, значительно отличающуюся от той версии, которую мы ранее реконструировали из неформальных бесед с ним. Он не только избегал «щекотливых» тем, связанных с возможным нарушением закона, но вообще сократил свой рассказ до элементарной схемы «приехал — работал — уехал».

** Мы сочли возможным включить в исследование в качестве одного из кейсов мигранта из Таджикистана, несмотря на то, что Таджикистан, строго говоря, не относится к Кавказскому региону. Мы полагали, что сегодня категория «кавказец» является не географической, но расовой. Не случайно в обыденном языке устойчивым синонимом «кавказца» стало слово «черный» («черномазый», «черножопый» и т.д.). Так, в ходе наблюдений и интервью, проведенных в начале 2000-х годов выяснилось, что современный петербуржец может игнорировать различия не только между «азербайджанцами» и «таджиками», но и между «арабами», «мусульманами» и «прочими черными» (слова цитируются из интервью с жителями города). Между тем, как мы покажем ниже, реальная ситуация, в которой оказывается мигрант, зависит не от того, откуда он реально приехал и к какой этнической группе он сам себя относит, а от того, к какой категории его относят местные жители. Соединив теорему Томаса с теорией власти Бурдье, можно сказать, что в силу дисбаланса власти между мигрантами и местными жителями (тем более представителями официальных структур) определение ситуации одними делает ее вполне реальной по своим последствиям для других. Таким образом, мигрант из Таджикистана фактически превращается в «кавказца».

Теории «этнического предпринимательства»

Существует несколько подходов к пониманию феномена «этнического предпринимательства». Большинство из них, тем не менее, сходится в том, что, будучи этническим меньшинством, мигранты имеют возможность объединиться на основе общей (разделенной) этничности и организовать совместный бизнес. Также предполагается, что в эмиграции — в окружении этнически «чужих» — они доверяют друг другу потому, что принадлежат к одной этнической группе. Доверие, основанное на разделенной этнической идентичности, позволяет сформировать «этнические» социальные сети, облегчает циркуляцию информации по этим сетям, сокращает возможные транзакционные издержки, связанные с недоверием (например, излишним становится использование посредников, выступающих гарантами в бизнесе) (Light 1986: 22; Light, Karageorgis 1994).

В так называемых «реактивных» теориях этничности основное внимание уделяется положению мигрантов в принимающем обществе; ситуация миграции характеризуется прежде всего ущемленным положением меньшинства либо их позицией «временного пребывания», что позволяет не обращать внимания на тяготы в бытовой жизни, сложные условия труда и т.п. (Bonacich, Model 1980). С другой стороны, существует так называемый «ресурсный» подход, который акцентирует тот факт, что мигранты имеют в своем распоряжении дополнительные ресурсы, которые в социальных исследованиях, как правило, характеризуются как «этнические». Согласно А. Лайту, таковыми выступают ресурсы, основанные на идентификации человека с определенным этническим сообществом. В своих более поздних работах Лайт, столкнувшийся с тем, что целый ряд действий, отношений, контактов мигрантов не могут быть объяснены этническими факторами, выделяет уже две группы ресурсов, используемых мигрантами — *этнические* и *классовые* (Light 1984, 1985, 1986)*.

В последнее время получил развитие «комплексный» подход, еще более полный, учитывающий еще большее количество компонентов, формирующих контекст существования общин этнических мигрантов и их экономической активности. Этот подход подчеркивает роль, с одной стороны, структуры возможностей принимающего общества, с другой стороны — устройства самого сообщества мигрантов (Waldinger 1987; Waldinger, Ward, Aldrich 1985; Ward 1987). Авторы комплексного подхода выделяют роль этничности прежде всего как основы социальных сетей. Этнические связи, по их мнению, помогают решать проблемы денег, поиска квалифицированных рабочих, просто дешевой рабочей силы. Чувство общей этнической принадлежности становится «кровью», питающей сообщество мигрантов, связываю-

* Реактивный и ресурсный подходы являются шагом вперед по сравнению с существовавшими ранее концепциями, которые концентрировались на одной стороне вопроса — культурно-историческом своеобразии этнических групп (так называемый феномен «торговых наций») и игнорировали массу иных социальных и экономических феноменов. В основе «культурно-исторического» подхода лежат теории М. Вебера (Вебер 1990б) и В. Зомбарта (Зомбарт 1994).

щей воедино все его элементы; этничность стабилизирует это сообщество, позволяет мигрантам конкурировать с местным большинством. Считается, что таким образом формируется сообщество, внутри которого отношения, в том числе в сфере экономики, строятся на основе неформальности, доверия, участия, понимания — всего того, что отсутствует в формальной экономике, в которую включено местное большинство. Эти особенности этнической экономики становятся ресурсами для этнических мигрантов в их конкурентной экономической борьбе*.

Результаты исследования: реалии жизни трудовых мигрантов

Начиная собственное исследование, мы ознакомились с описанной литературой и соответственно предполагали, что именно мы ищем: это должно было быть сообщество мигрантов, внутри которого отношения, в том числе в сфере экономики, строятся на основе неформальности, доверия, участия, понимания, в основе которых лежит разделенная этничность и как следствие этническая солидарность. Тем не менее со временем мы были вынуждены внести коррективы в собственные первоначальные представления.

Первоначально мы искали информантов по собственным социальным сетям. Эта стратегия казалась успешной: достаточно быстро нам удалось встретиться и побеседовать с несколькими «азербайджанцами» — «знакомыми знакомых». Среди них были представители двух азербайджанских общественных организаций в Петербурге, профессор государственного университета и частный предприниматель (по совместительству также лидер одной из национально-культурных организаций). Позже мы встречались и с консулом Республики Азербайджан в Петербурге. Мы надеялись, что через них получим выход на всю «азербайджанскую общину» Петербурга, которая представлялась нам реально существующей и единой в масштабах города. Однако ни один из «экспертов» не смог помочь нам в установлении контактов с рыночными торговцами-«азербайджанцами». Более того, они демонстративно дистанцировались от своих «некультурных» соотечественников, подчеркивая, что в круг их общения входят исключительно «интеллигентные и образованные» азербайджанцы. Таким образом, эта стратегия «вхождения в поле» потерпела фиаско.

Нас постигло первое разочарование, ставшее одновременно первым открытием: мы обнаружили, что «азербайджанская диаспора» Санкт-Петербурга состоит из различных социальных сред, которые относительно замкнуты и слабо взаимодействуют между собой. Обнаружилась жесткая граница между по крайней мере двумя сообществами.

Первое состоит из людей, которых мы условно назвали «азербайджанцы-профессионалы» и/или «азербайджанцы досуга». Это хорошо интегрированные и достигшие определенного статуса в различных сферах деятельности петербуржцы, которые в свободное от основной работы время могут

* Обзор западных теорий этнического предпринимательства см. также в: (Радаев 1993; Дятлов 2000).

позволить себе быть «азербайджанцами» (активистами национально-культурных азербайджанских обществ, пропагандистами азербайджанской культуры и т.д.). Одни из них сделали этничность своим хобби, другие — профессией*. Они претендуют на то, чтобы представлять интересы «всех азербайджанцев Петербурга», выступать в качестве посредников между «диаспорой» и государственными/городскими властями.

Между тем существует другое сообщество — недавние экономические мигранты. Граница между этими сообществами лежит не в этническом измерении, но основывается на нескольких взаимосвязанных критериях: время проживания в городе, степень интегрированности, различный социальный статус и прочие. На пересечении этих признаков и формируются различные социальные «азербайджанские» сообщества или *среды*. Это дало нам основание утверждать, что в городе не существует единой общины «азербайджанцев» как некоторого сообщества с четкими границами, коллективным сознанием, выраженными коллективными интересами и групповыми стратегиями**.

Со временем нам удалось установить контакты с недавними экономическими мигрантами из Таджикистана и Азербайджана, торгующими на двух различных рынках города. Для этого нам самим пришлось выйти на рынки города, торговать, тесно общаться с торговцами. Затем в течение более чем года мы проводили участвующее наблюдение, общались с нашими информантами, изучали структуру и особенности функционирования двух рыночных сообществ города. Однако и здесь нас ждало разочарование в объясняющем потенциале западных теорий применительно к российскому контексту.

В своей статье, вошедшей в ставшую классической хрестоматию по экономической социологии, Лайт и Карагеоргис определяют этническую экономику так: «Этническая экономика состоит из этнических самозанятых и работодателей и их работников, принадлежащих к той же этничности» (Light, Karageorgis 1994: 648). При этом принадлежность в большинстве случаев определяется исследователем «со стороны». Иногда информантов просят самих определить свою этническую принадлежность. В любом случае авторы определения, как и большинство исследователей «этнической экономики», очевидно, отталкиваются от представления о том, что поведение определяется этнической идентичностью, а не исходят из веберовского определения социального действия как такого, в котором присутствует *субъективная* ориентация индивида на те смыслы, которые он приписывает происходящему (Вебер 1990а: 603). Мы же полагаем, что социальное действие индивидов, которых ученые склонны относить к определенной этнической группе и на этом основании характеризуют их как членов «этнической эко-

* См. в этой связи дискуссию об «optional ethnicity» (этичность по выбору) (Waters 1990) и «symbolic ethnicity» (символическая этничность) (Gans 1996).

** Ср., например, со статьей Анатолия Снисаренко (Снисаренко 1999), который, формулируя свои выводы, не дает комментария относительно того, какой именно части азербайджанского сообщества Петербурга они касаются, как если бы это была гомогенная группа.

номики», может быть субъективно ориентировано на совершенно иные социальные характеристики — собственные и контрагентов — нежели этнические. Отличие нашей позиции состояло как раз в том, что мы пытались отталкиваться от определения социального действия, данного Вебером. Мы пытались понять, какое значение то или иное действие имеет для его участников, какие смыслы они сами связывают с теми ситуациями, в которых участвуют, в каких категориях они описывают происходящее, себя и тех, с кем взаимодействуют. При использовании такого подхода предпринимательская деятельность может быть охарактеризована как этническая лишь в том случае, если участники взаимодействия субъективно ориентируются именно на этничность — свою или контрагента, и именно эта ориентация объясняет их действия. Между тем разделяемая этничность, «объективно» присутствующая с точки зрения стороннего наблюдателя, часто *не является* фактором, на который мигранты *субъективно* ориентируются в своих экономических действиях.

Под конец исследования наша точка зрения состояла в том, что в реальной жизни и в бизнесе мигранты помогают и доверяют друг другу не потому, что они принадлежат к одной этнической группе, а потому, что они «друзья», «коллеги», «соседи» и т.п. При этом социальное окружение мигрантов в значительной степени состоит также из мигрантов вне зависимости от их этничности и страны происхождения — опыт миграции сближает, у этих людей часто схожие проблемы, а их социальные сети ограничены и замыкаются на таких же, как они, мигрантах.

Таким образом, в процессе исследования мы были вынуждены опровергнуть ряд популярных мифов о мигрантах-«кавказцах» (хотя в начале исследования мы сами разделяли их). Мы пришли к следующему выводу: взаимодействие мигрантов, которое, на первый взгляд, может показаться исследователю связанным с этничностью контрагентов, в действительности оказывается ориентированным на совершенно иные социальные идентичности и связи. Ориентация на этничность в среде недавних экономических мигрантов носит ситуативный характер и часто не является определяющей при выборе ими жизненных стратегий, в том числе трудовых (Бредникова, Паченков 2000, 2001)*.

В своем исследовании мы выделили пять основных факторов, определяющих, на наш взгляд, организацию социальных сетей мигрантов: *легкость* (простота, беспроблемность), *рациональность* (выгода), *доверие* (обратная сторона которого — это очень важно — возможность *контроля*), *давление*

* Так, среди трудовых мигрантов нам неоднократно рассказывали о попытках открытого манипулирования этнической солидарностью, в массе своей неудачных. В определенном смысле эти приемы схожи с теми, которые Андерсон, хотя и в другом контексте, называет «заклинательными трюками» (Андерсон 2001: 132). Например, многие мигранты пытаются *просить* денег взаймы у своих земляков, апеллируя к разделенной этничности; но очень редко кто-то *дает* деньги в долг, основываясь на этом критерии. Могут одолжить деньги «соседу», «другу», «родственнику», «партнеру по бизнесу», но не просто «другому азербайджанцу», т.е. этничность «сама по себе» оказывается недостаточным основанием для определенных форм солидарности.

извне (вытеснение, имеющее место со стороны местного большинства или других этнических групп), *пространство* (т.е. сосуществование с другими людьми в физическом пространстве становится основанием для завязывания с ними отношений). Мы не настаиваем на том, что список значимых факторов этим исчерпывается. Для нас было важно лишь то, что все они актуальны для мигрантов, действительно оказывают влияние на принятие решений и организацию их контактов и образа жизни; при этом ни один из них не может быть сведен к так называемой «этничности». По нашему мнению, именно эти факторы структурируют деятельность мигрантов, ложатся в основу формирования и использования мигрантами социальных сетей. Другими словами, вам могут многократно повторять в интервью или в разговоре (и даже тогда, когда вы об этом не спрашиваете), что «азербайджанец азербайджанца всегда поддержит, поможет» и т.п., но это, так сказать, дискурсивная сторона вопроса. В то же время на практике ситуация выглядит несколько иначе, и поддерживают не «других азербайджанцев», но тех, кого знают, с кем общаются, тех, кого можно проконтролировать (Бредникова, Паченков 2002).

Таким образом, по нашему мнению, называть исследованный нами феномен «этнической экономикой» мигрантов не совсем корректно. Во-первых, с точки зрения веберовского понимания социального действия и субъективной ориентации действующих индивидов этот термин методологически ошибочен — этничность не играет здесь принципиальной роли. Во-вторых, он не проясняет, но, напротив, препятствует пониманию факторов, в действительности определяющих поведение мигрантов и их образ жизни (например, других, лежащих вне этнической плоскости, но значимых идентичностей, иных оснований для выстраивания отношений и социальных сетей и т.п.). Для понимания образа жизни мигрантов гораздо большее значение могут иметь *опыт миграции*, *тип миграции* (трудова, беженство и т.п.) или *отношение принимающей стороны*. Последний из перечисленных факторов заслуживает отдельного внимания в связи с пониманием роли этничности в жизни трудовых мигрантов и тех контекстов, в которых ее значение возрастает.

«Навязывание этничности»

Несмотря на наш отказ мириться с традиционной «этноцентрированной» точкой зрения на природу миграции и экономической деятельности мигрантов, у нас перед глазами всегда было свидетельство важной роли, которую «этничность» играет в жизни мигрантов: их взаимоотношения с органами правопорядка. Не секрет, что, выбирая «жертву» среди прохожих на улице или торговцев на рынке, милиционеры и омоновцы ориентируются прежде всего на «кавказскую» внешность последних. Вслед за Драгунским (Драгунский 1993) мы назвали этот феномен «навязанной этничностью», и были вынуждены признать, что как минимум в такой форме этничность «имеет значение» для мигрантов. Для нас, однако, было важно понять, какие именно формы принимает это влияние этничности на образ жизни мигрантов, уловить, в каких именно контекстах и почему она имеет значение.

Помимо общения мигрантов с сотрудниками милиции, мы неоднократно сталкивались с ситуациями, когда наши информанты использовали этническую или национальную риторику для объяснения происходящего, характеризовали себя и других участников интеракций в этнических терминах. Даже в тех ситуациях, где суть взаимодействия, с нашей точки зрения, не имела отношения к межэтническим отношениям или этнической солидарности (скорее к экономическим интеракциям), наши информанты, поясняя нам происходящее, использовали этническую риторику. Проанализировав такие ситуации, мы пришли к выводу, что причина такой интерпретации не в последнюю очередь кроется в наших собственных действиях. Другими словами, не следует недооценивать роль исследования и исследователей в процессе «навязывания этничности» или как минимум в навязывании этнического дискурса.

Согласно концепции символической власти Бурдьё (Бурдьё 1993) определение реальности дают те, кто имеет (символическую) власть и легитимное право это делать. В эпоху модерна ученые, вне всякого сомнения, принадлежат к числу людей, за которыми признано легитимное право на определение реальности*. Это означает, например, что исследователь заранее определяет рамки интервью и беседы вообще — тематические, дискурсивные и т.п. Уже на этапе объяснения информанту целей и предмета исследования исследователь задает язык, тему и ракурс, в котором предлагает рассматривать опыт информанта; он определяет критерии того, какая часть жизненного опыта последнего актуальна в данном контексте. В ситуации властной асимметрии, информант пытается отвечать ожиданиям — он будет стараться обращаться к определенным сторонам своего опыта, которые в его представлении имеют отношение к теме беседы или интервью. Весь его опыт, который не вспомнится ему в ситуации интервью или покажется не имеющим отношения к обсуждаемой теме, окажется за рамками беседы. Другими словами, если вы спрашиваете информанта о Фоме, шансы, что он станет рассказывать о Ереме, не велики**. Такая ситуация препятствует появлению в исследовании новых тем, ракурсов, факторов и связей между ними. В результате исследователь получит подтверждение своих предположений — своего рода «самосвершающееся пророчество».

Не следует, однако, упрощать картину, полагая, что всему виной исследователь. Важно помнить о том, что ученый далеко не единственный, кто

* Дебаты об отношении современной науки и национализма см.: Greenfield 1996; Hobsbawm 1983; Nanda 2003; о влиянии «позитивной науки», в частности социалдарвинизма, на формирование этнического национализма, расизма и нацизма см., например, Weikart 2004.

** Мы не рассматриваем здесь экспертные интервью, где в роли информанта выступает профессиональный эксперт, последний, как правило, имеет собственную уже сформированную и многократно изложенную в других интервью точку зрения, поэтому «сбить» его на обсуждение чего-то иного крайне сложно. К тому же в ситуации разговора «исследователь — эксперт» властные позиции могут быть «перевернуты», и роль исследователя будет полностью противоположна той, которую он занял бы в ситуации интервью с нелегальным мигрантом-«кавказцем».

навязывает определенный дискурс и стоящую за ним картину мира, категориальный аппарат и способ мышления. Помимо ученых — и даже в большей степени, чем они — легитимное право на определение реальности имеют политики, государственные чиновники, другие элиты (не только федерального уровня, но и региональные; элиты в каждом национальном государстве, интеллектуальные элиты и пр.), наконец, но далеко не в последнюю очередь — СМИ. И даже обычный обыватель, если он имеет лицо «правильной» национальности и постоянную регистрацию в городе, получает «автоматический» больше власти, чем приезжий, вдобавок «черный». Таким образом, агентов, способных навязывать мигрантам этнический дискурс и определенную картину мира, более чем достаточно. Им ничего не остается, как усвоить его и воспроизводить в определенных контекстах. Навязываемая им картина мира интернализируется, становится их собственной. Они уже начинают сами видеть мир и себя в нем в этнических / национальных красках, даже если исследователь напрямую не ставит вопросы и не переводит разговор в эту плоскость; со временем роль постороннего эксперта становится вообще не нужной. Так, мы могли наблюдать, как мигранты постепенно перешли от использования русских аналогов своих имен (Бузор представлялся Борей, Фархад — Федей и т.п.) к тому, что стали сами себя называть «лицами кавказской национальности» и «кавказцами». При этом нам порой было сложно определить, где заканчивались ирония и сознательное цитирование доминирующего дискурса. Не следует забывать, что национализм является характерным для эпохи модерна способом мышления и мировосприятия (Shelby 1991), это «очки», через которые мы смотрим на мир (Андерсон 2001), это «воздух», которым мы дышим (Billig 1995).

На первый взгляд, мы имеем дело с «порочным кругом»: этничность оказывается актуальной для информантов и используется ими самими как объяснительная схема, несмотря на то, что исследователь видит альтернативные способы объяснения происходящего. Но, несмотря на заявленное стремление не переоценивать этничность как элемент субъективной ориентации мигрантов в их социальной деятельности, мы не призываем полностью игнорировать этническое измерение социальной жизни. Это, однако, не означает, что исследователь должен вслед за своими информантами или влиятельными агентами дискурсивного поля воспроизводить этнический дискурс. Тем более это не должна быть примордиалистская или эссенциалистская версия последнего, с необходимостью реифицирующая этничность (Малахов 2001б) и ставящая ее во главу угла при объяснении почти любого поведения людей. Порочный круг может быть разорван при условии, что исследователь сам сможет выйти за его пределы, помыслить происходящее в иных категориях, стать над этническим дискурсом или вне его*.

Если исходить из того, что дискурс, представления, идентичности суть социальные конструкты, тогда можно попытаться предпринять попытку *декон-*

* Сложность здесь состоит в том, что исследователи — такие же «продукты» эпохи модерна, как и их информанты, и потому им самим бывает трудно отказаться от националистических «очков», от мышления в национальных и этнических категориях.

струкции — вместо воспроизводства популярных мифов, разделяемых информантами, следует попытаться ответить на вопросы о том, *как, кем и с какой целью* эти мифы производятся, *каков механизм* их возникновения и бытования. Задача социолога-конструктивиста, таким образом, состоит не только в том, чтобы описать конструкции первого порядка — представления, которые существуют в головах информантов, но в том, чтобы, базируясь на этих представлениях, создать конструкции второго порядка — научные концепты. Другими словами, ученым следует отделять «категории практики», в том числе политической, от «категорий анализа». Подобная деконструкция — эффективный методологический инструмент, и уже поэтому может быть использован. Кроме того, отдельного внимания здесь заслуживает политический аспект.

Политический аспект этничности

Ученые неоднократно описывали процесс превращения националистического способа мышления в политическую идеологию*. Несмотря на то, что национализм может не иметь отношения к этничности**, позволим себе утверждать, что последняя в определенном смысле также есть проект политический (по крайней мере постольку, поскольку содержит потенциал для будущего национализма). И в этой связи социальные ученые должны отдавать себе отчет в той ответственности, которую они берут на себя, в той или иной форме принимая участие в этом проекте.

Несмотря на дискуссию в академических кругах и рост популярности социального конструктивизма, на бытовом уровне в России по-прежнему доминирует откровенно эссенциалистско-примордиальное представление о природе этничности. Другими словами, большинство людей полагает, что каждый человек *объективно* принадлежит к той или иной этнической группе, и из этого факта следуют некоторые его личные характеристики и предрасположенность к определенному типу поведения. Следствием такого понимания этничности становится то преувеличенное значение, которое ей уделяется в качестве фактора, объясняющего человеческое поведение: «Эссенциализм состоит не в описании идентичности, но в попытке действия на ее основании: мы так *поступаем*, потому что *это мы*» (Michaels 1995: 61). Автор приведенной цитаты призывает ученых «...прекратить порождать новые, более сложные определения идентичности (то есть более сложные сущности), прекратить выводить действия из того, кто их совершает или должен совершать и/или к какой культуре принадлежат акторы»***. Особо-

* См., например: Андерсон 2001; Геллнер 1991; Хобсбаум 1998; Vrubaker 1996.

** Далеко не все национализмы этнические, но связанный с этничностью национализм — один из распространенных типов. Ср. также «романтический» национализм германского типа (Wilson 1973) — многие находят в современных национализмах, характерных для бывших республик СССР (включая Россию) черты, близкие именно этому типу.

*** Брубейкер и Купер, приводящие эту цитату в своем тексте, обращают внимание на «критическое различие в цитате между глаголами “совершают” и “должны совершать”». Они подчеркивают, что «эссенциализм заключается, согласно Майклзу, не столько в “попытке действовать согласно идентичности (в объяснительном плане)”, а в попытке *подсказать и навязать* действия на основе *принятой* идентичности: ты *должен* поступать таким образом, потому что ты есть тот, кто *ты есть*» (Брубейкер, Купер 2002: 71).

го внимания заслуживает то, что примордиально понимаемая этничность коренится в крови и в генах, т.е. изменить ее нельзя, ее обладатели такие, какие есть; их можно либо принять, либо выгнать, либо уничтожить. То есть, учитывая, что этничность мыслится здесь как нечто неизменное, приходится признать, что такая точка зрения на практике провоцирует конфликты. Мы полагаем, что неоправданная акцентуация социальными учеными роли этничности как якобы «важнейшего социального фактора» льет воду на мельницу такого опасного и ошибочного понимания природы человеческой личности и социального поведения. Социальные ученые должны помнить об ответственности и последствиях, объясняя человеческое поведение этничностью там, где вполне применимы и более обоснованы иные объяснительные концепции. Более того, поскольку понятие «этничность» фактически означает одну из форм идентичности, это дает основания распространить на понятие «этничность» критику, адресуемую в последние годы концепции идентичности вообще.

Пределы идентичности

Этническая идентичность — составная часть социальной идентичности личности, психологическая категория, которая относится к осознанию своей принадлежности к определенной этнической общности. В структуре этнической идентичности обычно выделяют два основных компонента — *когнитивный* (знания, представления об особенностях собственной группы и осознание себя как ее члена на основе определенных характеристик) и *аффективный* (оценка качеств собственной группы, отношение к членству в ней, значимость этого членства). Некоторые авторы выделяют и *поведенческий* компонент социальной идентичности, понимая его как реальный механизм не только осознания, но и проявления себя членом определенной группы, построения системы отношений и действий (Дробижева, Аклаев, Коротеева, Солдатова 1996: 296). Несмотря на достаточную концептуальную разработанность понятий «этничность» и «идентичность» вообще, как в отечественной традиции, так и за рубежом, в последние годы в социальных науках все чаще слышится критика в адрес данных терминов*.

Авторы одного из таких критических текстов, Роджерс Брубейкер и Фредерик Купер, сформулировали свой основной тезис следующим образом: «социальные и гуманитарные науки сдались на милость слова “идентичность” (identity), что влечет интеллектуальные и политические последствия и ввиду чего необходимо найти более удачную исследовательскую альтернативу. Мы утверждаем, что “идентичность” может значить либо слишком много <...>, либо слишком мало <...>, либо совсем ничего (в силу двусмысленности понятия)» (Брубейкер, Купер 2002: 63).

Вслед за Брубейкером и Купером мы полагаем, что, несмотря на то, что «идентичность» — «ключевой термин в повседневном словаре современной политики, и социальные аналитики должны это учитывать», сами ученые

* См., например: (Hall 1996; Hollinger 1998; Posnock 1995; Werbner 1996).

не обязаны им пользоваться в своем анализе. На наш взгляд, данное утверждение относится как к понятию идентичности вообще, так и к понятию этнической идентичности (этничности) в частности, а возможно, в первую очередь, поскольку понятия «нация», «раса» и «идентичность» постоянно используются в аналитике так же, как и в повседневной жизни и в политической практике, «способствуя, явно или подспудно, материализации этих понятий, намекая или утверждая, что “нации”, “расы” и “идентичности” “существуют” и люди имеют “национальность”, “расу” и “идентичность”» (Брубейкер, Купер 2002: 69)*. Ставшему «безнадёжно многозначным» и, следовательно, бесполезным для задач науки термину** Брубейкер и Купер противопоставляют ряд понятий, которые, на их взгляд, более точно отражают различные аспекты социальных явлений.

Фактически Брубейкер и Купер отказываются от термина «идентичность», ссылаясь на его чрезвычайную многозначность и злоупотребления, возникающие в социальных науках в связи с этой многозначностью. Тем не менее они не отказываются от самой концепции, но лишь заменяют туманный и противоречивый термин на другие, каждый из которых характеризует конкретные социальные процессы. И те процессы, о которых идет речь, и сами термины были известны и использовались в социальных науках и раньше. Предложение Брубейкера и Купера состоит в том, что, осуществляя научный анализ, ученые должны стремиться к чистоте и точности используемых терминов. В этом смысл отказа от термина «идентичность» и замена его в каждом конкретном случае другим термином, который позволит (а) избежать ненужных коннотаций, связанных с термином идентичность, (б) более точно и однозначно охарактеризовать конкретные социально-психологические процессы, которые ранее были объединены в термине «идентичность» и не всегда вычленились и назывались исследователями при анализе наблюдаемых явлений.

«Трудовая миграция» за границами идентичности

Мы полагаем, что проведенное нами и кратко описанное в данной статье исследование трудовых мигрантов из Азербайджана и Таджикистана в Петербурге также дает основания считать предложенные Брубейкером и Купером понятия и подходы удачной альтернативой потерявшему аналитическую четкость понятию «идентичность».

Так, используемый нами термин «навязывание этничности» в отношении мигрантов-«кавказцев» представляет собой хороший пример процесса, который Брубейкер и Купер называют «идентификацией извне» или категоризацией. Фактически в своем исследовании мы имели дело с «этнической иден-

* Авторы не забывают упомянуть существующую критику эссенциалистского понимания этничности со стороны социальных конструктивистов, но считают ее недостаточной и говорят об имеющей место «неудобоваримой смеси конструктивистской терминологии и эссенциалистской аргументации» (Брубейкер, Купер 2002: 70). О конструктивистской критике эссенциализма в отечественной дискуссии об этничности см., например: (Воронков, Освальд 1998; Малахов 2001, 2005; Паченков 2003; Скворцов 1997; Тишков 1998).

** «Если все есть “идентичность”, ее нет вообще» (Брубейкер, Купер 2002: 63).

тификацией». Выше мы приводили нашу точку зрения на роль государства и других экспертов (облеченных легитимной властью давать определения реальности) в процессе навязывания этничности мигрантам. Брубейкер и Купер пишут по этому поводу следующее: «Современное государство является одним из самых важных агентов идентификации и категоризации в указанном смысле. В культурологическом понимании социологии государства, происходящем от Вебера и сложившемся под влиянием Бурдьё и Фуко, государство (в терминах Бурдьё) монополизирует или стремится монополизовать не только легитимную физическую, но и символическую власть. Такая государственная власть располагает правом присваивать имя, идентифицировать, категоризовать, решать, что есть что и кто есть кто. <...> Таким образом, государство является важным “идентификатором”, <...> потому что у него имеются материальные и символические ресурсы, чтобы навязать категории, классификационные схемы и способы социологического учета...» (Брубейкер, Купер 2002: 86)*. Брубейкер и Купер также подчеркивают, что «государство не единственный значимый “идентификатор”» и указывают на роль элит в процессе идентификации-категоризации; как правило, это лидеры общественных движений разного рода (Брубейкер, Купер 2002: 86). Более того, они упоминают о возможности и «безличной» категоризации и о той роли, которую здесь играет дискурс**.

Другая категория, предлагаемая указанными авторами — «самопонимание» или «самоидентификация» — представляется нам важной, поскольку позволяет достаточно точно описать процессы, которые происходят с мигрантами-«кавказцами». Суть этих процессов в существующем «напряжении», возникающем вследствие попыток идентифицировать себя с различными группами и коллективами. С одной стороны, это могут быть различные «воображаемые сообщества», идентификация с которыми предполагает различные «самопонимания» и самоощущения и которые могут в определенном смысле рассматриваться как взаимоисключающие***. С другой стороны, им приходится в других ситуациях идентифицировать себя и с различными по составу и значению «первичными группами», в которые они непосредственно включены****. Для нас представляется важным, что в отличие от коннотаций статичности и целостности, свойственных «идентичности», «самопонимание» и «самоидентификация» позволяют описывать (а) процессы, имеющие (б) противоречивый характер и (в) не заканчивающиеся формировани-

* Эту же точку зрения можно найти также в последних работах Бенедикта Андерсона (Anderson 1998).

** «Идентификация может быть влиятельной, даже если за ней не стоят отдельные личности или институции. Идентификация может производиться более или менее анонимно при помощи дискурсов или нарративов. <...> Дискурсы и нарративы способны незаметно проникать в наш образ мыслей, разговоры и осмысления мира» (Брубейкер, Купер 2002: 87).

*** Такими, например, как «советская нация» имперского типа и новая нация с новым национальным государством, Азербайджанским или Таджикским.

**** Подробнее об этом аспекте см.: (Бредникова, Паченков 2001; Brednikova, Pachenkov 2002; Pachenkov 2004).

ем некой законченной конечной субстанции под названием «идентичность». Для нас также важны отношения, которые могут быть установлены между «идентификацией» в значении категоризации извне (см. выше) и «самоидентификацией» (самопониманием). Анализ таких отношений становится возможным лишь после того, как оба процесса будут аналитически разведены и вычленены из всеобъемлющего понятия «идентичность».

Что касается принципа и чувства «групповой принадлежности», то, на наш взгляд, основной заслугой предложенного Брубейкером и Купером «выведения» данного аспекта из пределов туманной «идентичности» является возможность поставить этот аспект под вопрос и сделать его объектом анализа, а не предпосылкой, как это часто происходит в исследованиях, где понятие «идентичности» выступает в роли центрального «отправного пункта». Мы попытались показать в данном тексте, что в случае с мигрантами из Азербайджана и Таджикистана в Петербурге конца 1990-х начала 2000-х годов (а возможно, и в изучении так называемого «этнического предпринимательства» вообще) роль чувства групповой принадлежности у мигрантов и связанной с ним солидарности сильно переоценивается. Более внимательного анализа заслуживает и сама группа или коллектив, по отношению к которому мигрант якобы испытывает это чувство; в то время как в большинстве исследований эта группа определяется априори и извне (исследователем) как этническая (или национальная).

Таким образом, мы видим основания для того, чтобы попытаться избежать использования перегруженного смыслами и коннотациями термина «идентичность» и взамен обратиться к иным категориям. Подобный подход поможет сделать анализ более точным и способным лучше отражать изучаемую реальность, при этом остаться в рамках понятийного поля и аппарата, традиционно связанного с концепцией «идентичности».

Заключение

Итак, основной вопрос, поставленный в этой статье, можно сформулировать следующим образом: *возможно ли и следует ли* изучать трудовых эмигрантов и при этом очень ограниченно прибегать к таким терминам, как «*этничность*» и «*идентичность*» или избегать их вовсе? Мы попытались объяснить, почему нам представляется возможным и важным дать положительный ответ на этот вопрос.

Что касается *необходимости* избегать обоих терминов при анализе жизни мигрантов, мы выделили два аргумента: методологический и политический. Методологический аргумент основан, во-первых, на необходимости отделять практическое использование терминов от аналитического. Во-вторых, основанный на *понимающей* традиции в социальных науках анализ, как правило, не дает оснований использовать этнические категории для описания образа жизни и действий мигрантов (особенно трудовых). Политический аргумент связан, главным образом, с тем, что доминирующее в массах примордиальное понимание этничности (равно как и эссенциалистское понимание идентичности вообще) делает социальные конфликты более острыми, а их решение — более сложным.

Что касается *возможности* избегать категорий этничности и идентичности при описании образа жизни мигрантов, то здесь мы разделяем критический пафос таких авторов, как Брубейкер и Купер, связанный с перегруженностью и аналитической беспомощностью термина «идентичность». По нашему мнению, предлагаемые этими авторами альтернативные понятия позволяют более адекватно и точно описывать и интерпретировать процессы, которые мы наблюдали в нашем исследовании трудовых мигрантов-«кавказцев» в Петербурге, позволяя избежать аналитических и терминологических неточностей, двусмысленностей и нежелательных политических коннотаций, присущих термину «идентичность».

Следуя призыву Брубейкера и Купера, мы в своем анализе попытались «выйти за пределы “идентичности” — не в интересах воображаемого универсализма, но во имя концептуальной чистоты, необходимой как для социального анализа, так и для политического понимания» (Брубейкер, Купер 2002: 113).

Литература

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: «Канон-Пресс-Ц», «Кучково поле», 2001.

Байбурун А.К. Ритуал: свое и чужое // Фольклор и этнография: Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Л., 1990. (<http://www.cultinfo.ru/fulltext/1/001/001/012/baybur.htm>)

Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы / Под ред. Ф. Барта. М.: Новое издательство, 2006.

Бредникова О., Паченков О. Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов // Этничность и экономика: Сб. статей по материалам международного семинара (Санкт-Петербург, 9–12 сентября 1999) / Под ред. О. Бредниковой, В. Воронкова, Е. Чикадзе. СПб.: ЦНСИ, 2000. (Труды ЦНСИ. Вып. 8).

Бредникова О., Паченков О. Азербайджанские торговцы в Петербурге: между «воображаемыми сообществами» и «первичными группами» // Диаспоры. 2001. № 1.

Бредникова О., Паченков О. «Этническое предпринимательство» мигрантов и мифы мультикультурализма // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002а.

Бредникова О., Паченков О. Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов // Экономическая социология. 2002б. Т. 3. № 2.

Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами идентичности // *Ab Imperio*. 2002. № 3.

Бурдые П. Социальное пространство и генезис классов. / Бурдые П. Социология политики. М.: Socio Logos, 1993.

Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер. М. Избранные произведения: Пер. с нем. / Под ред. Ю.Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990а.

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. / Под ред. Ю.Н. Давыдова М.: Прогресс, 1990б.

Воронков В., Освальд И. Введение. Постсоветские этничности // Конструирование этничности / Под ред. В. Воронкова и И. Освальд. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998.

Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991.

Драгунский Д.Ф. Навязанная этничность // Политологические исследования. 1993. № 3–5.

Дробижина Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации. М.: Мысль, 1996.

- Дятлов В. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске). М.: Наталис, 2000.
- Зомбарт В. Буржуа: Пер. с нем. М., 1994.
- Козина И. Case study: Некоторые методические проблемы // Рубеж. 1997. № 10–11.
- Малахов В. Скромное обаяние расизма и другие статьи. М.: Дом интеллектуальной книги и Модест Колеров, 2001.
- Малахов В. Загадка этничности // Скромное обаяние расизма и другие статьи. М.: Дом интеллектуальной книги и Модест Колеров, 2001б.
- Малахов В. Национализм как политическая идеология. М.: КДУ, 2005.
- Паченков О. Рецензия на книгу: Малахов В. Скромное обаяние расизма и другие статьи. М.: Дом интеллектуальной книги и Модест Колеров, 2001 // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. № 1.
- Радаев В. Этническое предпринимательство: мировой опыт и Россия // Полис. 1993. № 5.
- Скворцов Н.Г. Проблема этничности в социальной антропологии. СПб., 1997.
- Снисаренко А. Этническое предпринимательство в большом городе современной России (на материалах исследования азербайджанской общины Санкт-Петербурга) // Нформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999.
- Тишков В.А. Забыть о нации (Постнационалистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. № 9
- Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я» // Фрейд З. Тотем и табу. СПб., 1998.
- Фромм Э. Душа человека. М., 1998.
- Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб.: Алетейя, 1998.
- Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.
- Эриксон Э.Г. Детство и общество. СПб.: Летний сад, 2000.
- Anderson B. The Spectre of Comparisons: Nationalism, Southeast Asia and The World. London: Verso, 1998.
- Banks M. Ethnicity: Anthropological Constructions. L.; N.Y.; Routledge, 1996.
- Billig M. Banal Nationalism. London: Sage Publications, 1995.
- Bonacich E., Model J. The Economic Basis of Ethnic Solidarity. Berkeley: University of California Press, 1980.
- Brednikova O., Pachenkov O. Migrants-«Caucasians» in St. Petersburg: Life in Tension // Anthropology and Archeology of Eurasia (Armonk). 2002. Vol. 41. No 2.
- Brubaker R. Nationalism Reframed. Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge, 1996.
- Brubaker R., Cooper F. Beyond Identity // Theory and Society. 2000. No 1.
- Gans H.J. Symbolic ethnicity: The future of ethnic groups and cultures in America // Theories of ethnicity: A classical reader / Ed. by W. Sollars. N.Y.: New York University Press, 1996.
- Greenfield L. Nationalism and modernity — Nationalism Reexamined. Social research, Spring, 1996.
- Hall S. Introduction: Who Needs «Identity»? // S. Hall, P. du Gay (Eds.). Questions of Cultural Identity. L., 1996.
- Hobsbawm E. Introduction // Invented Tradition / Ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge University Press, 1983 (на русском языке см.: http://www.vshu.ru/library/3/new_02410_01.doc)
- Hollinger D. Nationalism, Cosmopolitanism, and the United States // Immigration and Citizenship in the Twenty-First Century / Ed. by Noah Pickus. Landham, MD, 1998.
- Light I. Immigrant and Ethnic Enterprise in North America // Ethnic and Racial Studies. April 1984. Vol. 7. No 2
- Light I. Immigrant Entrepreneurs in America: Koreans in Los Angeles // Glamour at the Gates / Ed. by N. Glazer. San Francisco: ICS Press, 1985.

- Light I. Ethnicity and Business Enterprise // *Making It in America* / Ed. by M. Stolarik, M. Friedman. L.; Toronto: Associated University Presses, 1986.
- Light I., Karageorgis S. The Ethnic Economy // *The Handbook of Economic Sociology* / Ed. by N. Smelser, R. Swedberg. Princeton: Princeton University Press, 1994.
- Michaels W. Race into Culture: A Critical Genealogy of Cultural Identity // *Identities* / Ed. by Kwame Anthony Appiah and Henry Louis Gates. Chicago, 1995.
- Nanda M. Prophets Facing Backward: Postmodern Critiques of Science and Hindu Nationalism in India. Rutgers University Press, 2003.
- Pachenkov O. The Life of Ethnic Migrants: Primary Groups vs. Imagined Communities (Based on Case-Study Research of Caucasian Migrants in St. Petersburg, Russia) // *Times, Places, Passages. Ethnological Approaches in the New Millennium* / Ed. by A. Paladi-Kovacs, G. Csukas, R. Kiss and others. Budapest: Akademiai Kiado, 2004.
- Pachenkov O. Looking for a black cat in a dark room: the issues of identity and perspectives of Multiculturalism // *Perspectives of Multiculturalism: Western tradition and Transitional countries* / Ed. by M. Mesiaè Zagreb, Faculty of Philosophy: Croatian Commission for UNESCO, 2004(b).
- Posnock R. Before and After Identity Politics // *Raritan*. 1995. No. 15.
- Shelby S. The Content of Our Character: A New Vision of Race in America. Harper Perennial, 1991.
- Stake R. Case Studies // *Handbook of Qualitative Research* / Ed. by N. Denzin, Y. Lincoln. L.: Sage Publications, 1994.
- Trimble J., Dickson R. Ethnic Identity // *Applied developmental science: An encyclopedia of research, policies, and programs* / Ed. by C.B. Fisher, R.M. Lerner . L.: Sage Publications, 2006.
- Waldinger R. Through the Eye of the Needle: Immigrants and Enterprise in New York's Garment Trades. New York University Press, 1987.
- Waldinger R., Ward R., Aldrich H. Ethnic Business and Occupational Mobility in Advanced Societies // *Sociology*. 1985. Vol. 19. No. 4. November.
- Ward R. Ethnic Entrepreneurs in Britain and Europe // *Entrepreneurship in Europe: The Social Process* / Ed. by R. Coffee, R. Scase. Groom Helm, 1987.
- Waters M. Ethnic Options: Choosing Identities in America. Berkeley, 1990.
- Weikart R. From Darwin to Hitler. NY: Palgrave Macmillan, 2004.
- Werbner R. Multiple Identities, Plural Arenas // *Postcolonial Identities in Africa* / Ed. by R. Werbner, T. Ranger. L., 1996.
- Wilson W. Herder, Folklore and Romantic Nationalism // *The Journal of Popular Culture*. 1973. Vol. 6 (4).
- Yin R. Case-Study Research. Design and Method. London: Sage Publications, 1992.